

с лошади.²³ Половчанки не могли быть исключением среди женщин других кочевых народов и должны были в буквальном смысле носить в колыбели маленьких детей, что было известно жителям южных княжеств по живым наблюдениям.

Южанину, особенно выходящу из Галицкого княжества, близкого к Карпатам, было более свойственно говорить о «горах крутых», чем жителю северной русской равнины. Более свойственно, назвав «бояр честных», сейчас же титуловать их, очевидно по привычке, «вельможами» — словом польского происхождения. Более свойственно, наконец, в перечислении красот Русской земли вспомнить такие, собственно, незначительные предметы, как «колодцы местночестные». Но дело в том, что на юге, где местность более гористая, а жары более сильные, колодцы и родники приобретают большее значение, чем на обильно орошаемой природою севере. Колодцы поэтому были окружены религиозным почитанием, к ним приурочивались местные праздники и крестные ходы, и на копание колодцев смотрели как на благочестивый подвиг, что составляет сюжет поэмы Шевченко «Москалева крыньця». В украинской этнографической литературе немало материала на эту тему.

Южнорусские черты в «Слове о погибели» и особенно сохраненные им отзвуки легенд о Владимире Мономахе дали основание поставить вопрос о южнорусском происхождении памятника вообще. Так он был поставлен в докладе С. Н. Введенского под названием «„Слово о погибели русской земли“ как исторический и историко-литературный памятник Северо-Восточной Руси XIII в.» на IV областном историко-археологическом съезде в г. Костроме, в июне 1909 г.

В протоколах съезда сказано: «Референт полагает, что „Слово“ по внешним сторонам и по содержанию текста есть в основе своей произведение южнорусское. Эту основу его составили песни о могуществе и славе Русской земли при Мономахе и о последовавшем затем упадке южной Руси. На Северо-Востоке южная основа „Слова“ подверглась добавлениям и осложнению, главным образом в сторону этнографического перечисления народов, покоренных Русью».²⁴

Относительно последнего утверждения можно возразить, что фрагмент «Слово о погибели» представляет логически и художественно нечто целое, и невозможно даже по соображениям литературной техники полагать, чтобы такой небольшой текст был сначала написан как слово о Мономахе и могуществе Русской земли, а затем осложнен севернорусскими добавле-

²³ «Дневные записки...», ч. II [СПб.], 1768, стр. 154. См. о колыбелях: Е. А. Покровский. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. Материалы для медико-антропологического исследования. — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, т. XV, в. 1, 1884, стр. 167, 179; И. Силинич. Формы колыбели и их развитие. — Русский антропологический журнал. М., 1900, № 1, стр. 106—109.

²⁴ Известия IV областного историко-археологического съезда в г. Костроме, 1909, 23 июня, вторник, № 4. — Автор доклада С. Н. Введенский, в то время инспектор народных училищ Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии, как видно из его писем к правителю дел Владимирской ученой архивной комиссии А. В. Смирнову, именующихся в Рукописном отделе Института русской литературы (ф. 286. № 167), предполагал поместить доклад в «Трудах» этой Комиссии, но он напечатан не был. Против утверждения, что «Слово о погибели» южнорусского происхождения, возражал на съезде А. И. Соболевский. Он сказал также, что это не самостоятельный памятник, а часть жития Александра Невского. Его слова тогда же были записаны мною: «Мой покойный наставник Тихонравов говорил: „Кроме «Слова о полку Игореве», есть еще очень поэтический памятник: это некоторые редакции жития святого Александра Невского“. Стало быть, ему попадались какие-то редакции жития, которые наводили его на сравнение со „Словом о полку Игореве“».